

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2415](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415)

С. И. Поляков, Д. А. Ситкевич, И. В. Стародубровская

**МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
ЧЕРЕЗ СПОРТИВНОЕ СООБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Правильная ссылка на статью:

Поляков С. И., Ситкевич Д. А., Стародубровская И. В. Модель адаптации мигрантов через спортивное сообщество на примере северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 177—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415>.

For citation:

Polyakov S. I., Sitkevich D. A., Starodubrovskaya I. V. (2023) Model of Migrant Adaptation Through the Sports Community: The Case of North Caucasian Migrants in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 177–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415>. (In Russ.)

Получено: 14.04.2023. Принято к публикации: 08.09.2023.

МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ СПОРТИВНОЕ СООБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ПОЛЯКОВ Святослав Игоревич — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: s.poliakov@kursiv.media
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>*

СИТКЕВИЧ Даниил Андреевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанизма, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: sitkevich@iep.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>*

СТАРОДУБРОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанизма, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
*E-MAIL: irinavstar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7073-5905>*

Аннотация. Статья посвящена адаптации мигрантов к городской среде через субкультуру силовых единоборств. Теоретической рамкой анализа выступает теория сегментной ассимиляции, утверждающая, что ассимиляция мигрантов может происходить не только че-

MODEL OF MIGRANT ADAPTATION THROUGH THE SPORTS COMMUNITY: THE CASE OF NORTH CAUCASIAN MIGRANTS IN ST. PETERSBURG

*Svyatoslav I. POLYAKOV¹ — Independent Researcher, Cand. Sci. (Soc.)
E-MAIL: s.poliakov@kursiv.media
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>*

*Daniil A. SITKEVICH² — Cand. Sci. (Econ.), Researcher at the Centre for Regional Studies and Urbanism, Institute of Applied Economic Research
E-MAIL: sitkevich@iep.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>*

*Irina V. STARODUBROVSKAYA^{3,2} — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Department “Political Economy and Regional Development”; Leading Research Fellow at the Centre for Regional Studies and Urbanism, Institute of Applied Economic Research
E-MAIL: irinavstar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7073-5905>*

¹ Saint Petersburg, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the adaptation of migrants to urban environment through the strength martial arts subculture. The theoretical framework of the analysis is based on the segmented assimilation theory that argues that the assimilation of migrants can occur both

рез включение в культурный мейнстрим принимающего общества, но и через свойственные ему суб- и контркультуры. Объектом исследования являются мигранты-дагестанцы в Санкт-Петербурге, представляющие спорт высоких достижений в различных видах силовых единоборств. В отличие от классического анализа в рамках теории сегментной ассимиляции, речь идет о мигрантах первого поколения. Исследование проводилось качественными социологическими методами.

Анализ спортивных и постсоревновательных карьер мигрантов демонстрирует, что включенность в силовую субкультуру позволяет спортсменам проще пройти первичный миграционный шок (острую фазу адаптации). В то же время аккумулируемые ими в спорте различные ресурсы (типы капитала) лучше всего конвертируются в продолжение карьеры в околоспортивной сфере, в первую очередь тренерской. Однако подобная успешная карьера требует соответствующего образования, способностей и навыков. Те, кто не связывает постсоревновательную карьеру со спортом, при отсутствии дополнительных ресурсов (в частности, семейного капитала) в основном остаются в низкоресурсной социальной сети, занимаясь малоквалифицированным трудом, а иногда и примыкая к криминальным кругам. Получение качественного высшего образования создает лучшие условия для внеспортивной карьеры, нежели участие в спорте высоких достижений.

Ключевые слова: теория сегментной ассимиляции, миграция, субкультура, спорт высоких достижений, силовые единоборства, Санкт-Петербург, Дагестан

through the mainstream of the host society and its inherent sub- and counter-cultures. The authors study Dagestani migrants in St. Petersburg representing high-performance sports in various kinds of martial arts. In contrast to the classical segmented assimilation theory analysis, this article refers to the first-generation migrants. The study is conducted with qualitative sociological methods.

The analysis of migrants' sports and post-competition careers demonstrates that inclusion in the force-centered culture allows athletes to pass the primary migration shock (the acute adaptation phase) more easily. However, various types of capital they have accumulated through sports are best converted into the continuation of a career in the sports related sphere, primarily coaching. However, a successful career requires appropriate education, abilities, and skills. Those who do not link a post-competitive career with sports in the absence of additional resources (in particular, family capital) mostly stay in low-resource social networks doing low-skilled labor and sometimes being involved in criminal milieu. Obtaining a good-quality higher education creates better preconditions for non-sports careers than participating in high-performance sports.

Keywords: segmented assimilation theory, migration, subculture, high-performance sports, martial arts, Saint Petersburg, Dagestan

Благодарность. Статья отражает результаты исследования в рамках НИР Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара.

Acknowledgments. The article is based on results of research carried out at the Gaidar Institute for Economic Policy.

Обзор литературы и постановка исследовательской задачи

В статье исследуется адаптация мигрантов в принимающем обществе через субкультуры — проблематика, не нашедшая серьезного отражения в академическом дискурсе. Обычно, когда речь идет об адаптации или аккультурации мигрантов, анализируется их отношение к культуре собственной этнической группы и некоему культурному мейнстриму либо доминирующей культуре принимающего общества. Однако еще Роберт Парк отмечал, что крупный город представляет собой «мозаику миров», где каждый район — это культурный ареал с особыми культурными традициями, обычаями, конвенциями, стандартами порядочности и приличия, а слова и поступки в этом ареале имеют смысл, ощутимо специфичный для каждого локального сообщества [Park, 1952]. В подобной ситуации неизбежно должны возникать вопросы, насколько единообразна доминирующая культура, могут ли мигранты встраиваться лишь в культурный мейнстрим, либо в какие-либо иные разновидности культуры принимающего общества, и к каким последствиям это приводит.

Первыми обсуждаемой проблематикой заинтересовались теоретики сегментной ассимиляции, изучавшие жизненные траектории мигрантов второго поколения в США. По их мнению, дети мигрантов могут встраиваться не только в мейнстримную культуру американского среднего класса, но и в американские контркультуры, отрицающие ценности образования и карьерного продвижения. Экономические и социальные барьеры и враждебность принимающего общества «подталкивают мигрантов второго поколения к противостоящей мейнстриму контркультуре, созданной маргинальной местной молодежью для того, чтобы справиться со своей собственной тяжелой жизненной ситуацией» [Portes, Zhou, 1993: 83]. Контркультурная ориентация ведет к нисходящей социальной мобильности и предполагает «незавидный сценарий молодежных банд, стилей жизни, связанных с наркотиками, преждевременной беременностью, тюремным заключением и ранней смертью» [Portes, Fernández-Kelly, Haller, 2005: 1004].

Теоретики сегментной ассимиляции не обсуждали подробно, что подразумевается под категорией «контркультура». В академическом дискурсе она тесно связана с более широким понятием «субкультура». При всем многообразии трактовок последнего специалисты отмечали, что данный термин «часто используется для указания на нормативные системы групп, меньших чем общество, чтобы подчеркнуть, как эти группы отличаются в таких аспектах, как язык, ценности, религия, пищевые привычки и стиль жизни от всего общества, частью которого они являются» [Yinger, 1960: 626]. Субкультуры ставят под вопрос те культурные смыслы, которые порождает доминирующая культура, ее представления о нормальности и приемлемом. При этом субкультуры существуют в контексте более широкой культурной среды и взаимодействуют с ней. Контркультура — это субкультурный

экстрим, поскольку здесь отрицание доминирующей культуры занимает центральное место: «в качестве основного элемента нормативная система группы содержит тематику конфликта со всем обществом» [ibid.: 629].

Дискуссия вокруг теории сегментной ассимиляции выявила потенциал этой концепции как широкого теоретического подхода, открытого для интерпретаций [Xie, Greenman, 2005]. В частности, она продемонстрировала переход к более нюансированному восприятию культурного многообразия, выражающемуся как в проблематизации понятия культурного мейнстрима, так и в рассмотрении аккультурации мигрантов не только в контркультурном, но и в субкультурном контексте. Следующие направления данной дискуссии представляют интерес для настоящего исследования.

Критика теории сегментной ассимиляции была связана, в частности, с тем, что ее авторы не обращали внимание на процессы, идущие в рамках американского мейнстрима [Murray, 2012]. Подчеркивалась его неоднородность, размытость границ [Alba, Nee, 2003], участие выходцев из мейнстрима в контркультурах [Waldinger, Feliciano, 2004]. Исследователи также обращали внимание на то, что достижение мигрантами позиций среднего класса не обязательно ведет к отказу от этнической или расовой идентичности и к принятию ценностей белого мейнстрима. При этом их культурная специфика не противостоит мейнстриму и не является «оппозиционной культурой» [Xie, Greenman, 2005]. Другие авторы подчеркивали, что в результате вертикальной мобильности группы мигрантов становятся «чужаками» и для этнических сообществ, и для белого среднего класса [Clerge, 2014], комбинируя в рамках своей гибридной культуре ценности тех и других и становясь «меньшинством внутри мейнстрима» [Habecker, 2017: 68].

Ряд исследований подтвердили возможность нисходящей мобильности для части мигрантов второго поколения [ibid.]. Тем не менее, по мнению критиков, осознание ограниченности жизненных перспектив может и не приводить к контркультурной ориентации [Diaz, 2020]. Некоторые исследователи вообще считали оппозиционную культуру американских меньшинств мифом [Harris, 2006]. Другие отмечали, что возникающие среди низших слоев мигрантов субкультуры не всегда имеют своим истоком культурные процессы в принимающем обществе [Vermeulen, 2010]: мигранты способны формировать новые идентичности, отличающиеся от свойственных и принимающему обществу, и этническому сообществу, откуда они вышли [Stepick, Stepick, 2010].

Дискуссии вокруг теории сегментной ассимиляции не привели к ее трансформации в какую-либо новую теоретическую конструкцию, но вызвали к жизни исследования более широкого спектра траекторий адаптации мигрантов. Так, наибольшее распространение получил соответствующий анализ исламских сообществ. Исследователи [Silberman, Alba, Fournier, 2007; Asfari, Askar, 2020; Karam, 2020], в частности, отмечали, что важность мусульманской идентичности для респондента коррелирует с отрицанием ценностей американского общества, восприятием их как противоречащих исламу, а также общением преимущественно с другими мусульманами. Тем не менее из этого не следует, что мусульманские мигранты не рассчитывают подняться по карьерной лестнице и добиться уровня жизни среднего класса.

Настоящая статья продолжает данную традицию. Только объектом изучения здесь является не мусульманская, а спортивная субкультура силовых единоборств. Основной исследовательский вопрос состоит в том, насколько включение мигранта в данную субкультуру позволяет адаптироваться в принимающем обществе и обеспечить перспективы восходящей мобильности. Выбор спортивной субкультуры дает хорошие возможности ответа на поставленный вопрос: рано или поздно спортивная карьера мигранта заканчивается, и ему необходимо использовать накопленные в ее рамках ресурсы для устройства дальнейшей жизни.

Ориентиры в изучении данной проблематики дает научный анализ культурных аспектов спортивной деятельности, имеющий отношение к мигрантам и мигрантским сообществам. Ниже кратко сформулируем актуальные для настоящего исследования выводы, основанные на рассмотрении соответствующей академической литературы.

Во-первых, анализ различных видов спорта как субкультур — известная традиция в исследованиях спортивной сферы [Donnelly, 1985; Crosset, Beal, 1997]. С этой точки зрения интерес представляет статья о занимающихся боевыми искусствами детях сельских мигрантов в китайских городах [Dong, 2018]. В упомянутой работе утверждается, что среди детей мигрантов многие не были способны к академическим достижениям и потому воспринимались как люди второго сорта; однако они находили альтернативный способ подтвердить собственную успешность через обучение в школах боевых искусств, где от них требовался не интеллект, а агрессивность и жесткость. Тем не менее, при всей специфике ценностей и ритуалов в данной среде, это сообщество не обладало контркультурной направленностью. Напротив, считалось, что занятия боевыми искусствами позволяют превратить подростков категории риска в «социально полезных субъектов», прививая им такие мейнстримные моральные ценности, как послушание, способность терпеть лишения, усердие, самодисциплина. Во многом схожее сочетание специфики ценностей при общей мейнстримной ориентации можно обнаружить и в деятельности спортивных клубов в России [Sabirova, Zinoviev, 2016].

Во-вторых, исследования адаптации мигрантов через спорт в основном проводятся отдельно для спорта как способа проведения свободного времени и спорта высоких достижений. И в том, и в другом случае в качестве теоретической рамки используются общераспространенные концептуальные подходы. Популярностью пользуется концепция аккультурации Джона Берри [Berry, 2006, 2019], выделяющая в зависимости от двух факторов — стремления к поддержанию собственной культурной идентичности и предпочтения взаимодействия с другими культурами — четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Используется также концепция капитала Пьера Бурдьё [Bourdieu, 1986], предполагающая, что успешная интеграция мигрантов зависит от объема и структуры ресурсов (капиталов), которыми они располагают на старте миграционной «карьеры» или приобретают в принимающем обществе, а именно — экономического капитала, социального капитала (связей), символического капитала (репутация, признания), культурного капитала в виде знаний, умений, культурных артефактов и дипломов. В контексте аккультурации особое внимание уделяется тем видам культурного капитала, которые связаны с освоением индивидом различ-

ных аспектов культуры принимающего общества — языка, норм, обычаев. В отдельных случаях применяются и другие теоретические инструменты — концепция транснационализма, бондингового (самой спортивной среды) и бриджингового (вне спортивной среды) социального капитала, межкультурного контакта и т. п.

Некоторые исследования основаны на созданной специально для сферы спорта модели культурного транзита [Ryba et al., 2016; Ryba, Elbe, Darpatova-Hruzewicz, 2020; Ryba, Stambulova, Ronkainen, 2020], в рамках которой выделяются:

— дотранзитная фаза — подготовка к миграции, планирование и психологическая адаптация к идее переезда;

— острая фаза культурной адаптации — первоначальное приспособление к новым спортивным условиям, новой команде, а также новому обществу;

— социокультурная адаптация, связанная с более длительным пребыванием в новой стране и стремлением обосноваться в ней на постоянное жительство.

Здесь отдельное внимание исследователей привлекает острая фаза культурной адаптации, когда спортсмены могут особенно тяжело переживать культурный шок и различные негативные эмоции (ощущение социальной изоляции, чувство одиночества, тоска по дому), что может отрицательно сказаться как на их спортивных результатах, так и на окружающих их спортсменах, менеджерах, тренерах [Battocchio et al., 2013; Schinke et al., 2013; Ryba, Stambulova, Ronkainen, 2020].

Следует заметить при этом, что авторам настоящей работы не удалось обнаружить ни одного исследования в сфере спорта, где бы напрямую использовались подходы, характерные для теории сегментной ассимиляции.

В-третьих, исследования спорта как досуга показали, что спортивная деятельность может как способствовать интеграции мигрантов в принимающее сообщество, так и содействовать укреплению идентичности, связанной с культурой отправляющего общества. В то же время участие в спорте может вести и к нежелательным последствиям, таким как агрессия, враждебные отношения и поляризация [Morela et al., 2016; Smith, Spaaij, McDonald, 2019]. В некоторых работах отмечалось, что спорт помогает молодым людям справиться с первичным аккультурационным шоком, особенно если тренер поддерживает автономию спортсмена и не стремится его чрезмерно контролировать [Morela et al., 2019].

В-четвертых, периоды в адаптации мигрантов-спортсменов, связанные в первую очередь с преодолением первичного миграционного шока и с завершением участия в спорте высоких достижений, предполагающим необходимость встраивания во внеспортивный социум, нередко анализируются в рамках исследования спортивных карьер в логике теории жизненного цикла [Weiss, 2004; Wylleman, Lavallee, 2004; Stambulova et al., 2009; Stambulova, 2016]. Особое внимание исследователей привлекают нормативные и ненормативные переходы между этапами спортивной карьеры.

Нормативные переходы определяются нормальной логикой развития спортсмена (возрастом, уровнем мастерства и т. п.) и в определенной мере могут быть спланированы заранее. К ним относятся, например, начало спортивной карьеры и выбор специализации; переход из юношеского во «взрослый» спорт; участие в спортивных соревнованиях разного уровня (местных, региональных, национальных, международных); переход из любительского в профессиональный спорт; на-

конец, завершение спортивной карьеры. Как показывают исследования, нормативные переходы могут различаться в зависимости от специфики культуры страны и институциональной организации спорта [Stambulova et al., 2009]. Ненормативные переходы вызваны случайными и неожиданными событиями: травмой, уходом тренера, исключением из команды. Проблемы, связанные со спортивной миграцией, фигурируют в анализе карьер как пример так называемого квазинормативного перехода, предсказуемого для отдельных категорий спортсменов [Stambulova, Ryba, Henriksen, 2021].

В-пятых, исследования спортивных карьер рассматривают спорт лишь как часть личностного развития [Wylleman, Lavallee, 2004; Wylleman, Alfermann, Lavallee, 2004; Wylleman, Rosier, 2016; Stambulova, Ryba, Henriksen, 2021]. В связи с этим особое внимание уделяется так называемым «двойным карьерам», то есть совмещению занятий спортом с обучением или работой, что создает основу для смягчения перехода к постспортивному этапу. В подобной логике уход из спорта высоких достижений уже не обязательно связан с «социальной смертью» или является аналогией выхода на пенсию, а может быть переходом к «социальному возрождению» [Wylleman, Alfermann, Lavallee, 2004]. В то же время исследования демонстрируют, что спортсмены — особенно мигранты, нацеленные на высокие достижения, — не всегда могут подготовиться к постспортивной жизни, вписаться после окончания спортивной карьеры в принимающее общество и вообще добиться успеха. У спортсменов-мигрантов, пытающихся реализовать сценарий двойных карьер, возникают сложности, связанные с необходимостью выбора приоритетов, удвоенной нагрузкой, несогласованностью учебных и спортивных графиков. У многих спортсменов миграция может вызвать снижение как академических, так и (реже) спортивных результатов [Fuchs et al., 2021; Palumbo et al., 2021]. При этом возможности реализации «двойных карьер» различаются у мигрантов из регионов с разным уровнем развития. Так, сравнение женщин-футболисток из Северной Америки и Африки, играющих в Скандинавии, показало, что первые успешнее сочетают спорт с образованием и карьерой вне спорта [Agergaard, Ryba, 2014].

Христиан Юнгрухе и Сине Агергор [Ungruhe, Agergaard, 2021] в бурдьевиристской логике анализируют постспортивный этап карьеры футболистов из Западной Африки в скандинавских странах, указывая на трудности успешной конвертации приобретенных во время спортивной карьеры капиталов, связанные с невысокими заработками и обязательствами по поддержке родственников и земляков, непризнанием полученных на родине дипломов об образовании, низкой ценностью накопленных социальных связей на рынке труда, установкой на препятствующую «двойной карьере» максимизацию спортивных усилий. В результате бывшие футболисты маргинализуются либо возвращаются на родину, где для них могут открыться лучшие возможности трудоустройства в сфере футбола.

Таким образом, исследования в спортивной сфере демонстрируют, что занятия спортом влияют на адаптацию и аккультурацию в принимающем обществе, и это влияние может быть разнонаправленным. Вписывание в социум после ухода из спорта высоких достижений нередко связано с немалыми трудностями и не всегда может быть успешным. Особо серьезные проблемы с транзитом возникают у спортсменов-мигрантов из наименее развитых стран. При этом принадлежность

к спортивным субкультурам сказывается на сценарии адаптации и аккультурации, даже если эти субкультуры не носят оппозиционного характера.

Характеристика исследования

Исследование проводилось в Санкт-Петербурге в 2022 г. и охватывало в основном молодых мужчин, преимущественно выходцев из Дагестана, имеющих значимый спортивный опыт в сфере силовых единоборств. Эти виды спорта имеют в городе репутацию «кавказских» (хотя исследование показало, что в них преобладают именно дагестанцы). Всего было проинтервьюировано 20 спортсменов в возрасте от 24 до 44 лет со степенью не ниже кандидата в мастера спорта, что позволяет отнести их к спорту высоких достижений (см. список информантов в приложении). 19 человек — это дагестанцы различной этнической принадлежности: 9 аварцев, 5 лезгин, 3 табасаранца, 1 кумык, 1 дербентский азербайджанец. Информант — выходец из Азербайджана был включен в исследование, поскольку работал тренером и хорошо знал дагестанскую спортивную среду. Перечисленные информанты представляют следующие виды единоборств: вольную борьбу, ушу-саньда, грэпплинг, бокс, дзюдо, бразильское джиу-джитсу, кикбоксинг, тайский бокс, спортивное и боевое самбо, рукопашный бой, смешанные единоборства, панкратион.

Настоящее исследование — часть более широкой работы по изучению северокавказской миграции в Санкт-Петербург. На его основе можно сделать вывод, что подобная миграция отличается гетерогенностью. Так, в город переезжают дагестанцы различного социального статуса; имеющие как городские, так и сельские корни; с разными целями (образование; трудовая деятельность — как высоко-, так и низкоквалифицированная; брачная миграция). Спортивная субкультура становится привлекательной моделью адаптации в городе лишь для определенного сегмента мигрантов: это преимущественно выходцы из сельской местности или низших городских слоев. Их родители заняты неквалифицированным ручным трудом или работают на низовых позициях в силовых структурах. Большинство наших информантов получили высшее образование, лишь один из них окончил автодорожный колледж. Среди выпускников вузов 6 получили высшее спортивное или спортивно-педагогическое образование (из них 3 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), 12 — высшее образование, не связанное со спортом (3 в Дагестане, 8 в Санкт-Петербурге, 1 — в ЮФО, заочное). Кроме собственно спортсменов в исследование были включены 3 информанта-дагестанца (все — аварцы), не делавших спортивную карьеру, но рефлексировавших о роли спорта в их жизни, и 1 информант, подробно охарактеризовавший роль силовых видов спорта в городе в 1990—2000-е годы.

В исследовании в основном представлено первое поколение мигрантов, родившихся на Северном Кавказе (в основном в Дагестане) и переехавших в Санкт-Петербург либо непосредственно из Дагестана, либо из других регионов России. Вышесказанное существенно отличает нашу выборку от традиционно используемых в рамках теории сегментной ассимиляции, а именно — акцентирующих внимание на втором поколении мигрантов. Объяснение этому можно найти в специфике адаптации и аккультурации мигрантов в городе. Исследования в рамках теории сегментной ассимиляции описывали ситуацию, где первое поколение мигрантов стремилось влиться в принимающее общество и обеспечить вертикальную мо-

бильность своим детям, тогда как проблемным оказывалось именно второе поколение. История с дагестанцами в Санкт-Петербурге существенно отличается: второе поколение мигрантов оказывается достаточно хорошо вписанным в городскую среду, а основные проблемы характерны именно для первого поколения, значительная часть представителей которого переезжает в город в достаточно молодом возрасте. Двое мигрантов второго поколения были представлены среди информантов, не являвшихся профессиональными спортсменами.

Еще одна особенность данного исследования по сравнению с традиционными работами в рамках теории сегментной ассимиляции состоит в том, что речь здесь идет о внутренней миграции. В рассматриваемом случае мигранты не сталкиваются со многими структурными ограничениями, характерными для иностранцев. В целом, у них нет проблем со знанием русского языка; они в полной мере обладают гражданскими правами; документы об образовании и профессиональной квалификации, которые они получили в отправляющем регионе, признаются в новом месте жительства. Основные барьеры к адаптации и аккультурации носят культурный характер: большая культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами, а также дискриминация со стороны принимающего сообщества. Кроме того, возможности восходящей мобильности ограничиваются характерными для северокавказских республик более низкими образовательными и профессиональными стандартами.

В ходе полуструктурированных биографических интервью с информантами-спортсменами обсуждались социально-экономические и культурные условия их социализации, причины и траектории миграции в Санкт-Петербург, опыт и трудности адаптации к жизни в городе, начало занятий спортом и этапы спортивной карьеры; ресурсы (финансовые, социальные, культурные), к которым дает доступ спорт высоких достижений; траектории постспортивной социальной реализации; круги общения; организация частной жизни (брак, семейные отношения, дети). С информантами-неспортсменами обсуждалась роль спорта в их жизни в Дагестане и Санкт-Петербурге. Собранный эмпирический материал анализировался с использованием методов и техник нарративного, тематического и pattern-анализа.

Миграция и вход в спортивное сообщество Санкт-Петербурга

Выходцы с Северного Кавказа, и особенно дагестанцы, известны своими успехами в силовых видах спорта, в первую очередь в вольной борьбе. Более 70% российских квалифицированных борцов являются жителями или выходцами из этого макрорегиона [Брюсов, 2012]. Между тем популярностью пользуются и другие виды единоборств. В последние 15 лет широкое распространение получили так называемые смешанные единоборства (ММА), сочетающие борцовскую и ударную техники. Подобная ситуация связана с тем, что силовые виды спорта рассматриваются в регионе как важнейший институт гендерной социализации, через который должен пройти каждый ребенок мужского пола на пути обретения статуса «настоящего мужчины».

Спортивные карьеры информантов начинались с 8—10 лет, и к моменту миграции все они имели значительный спортивный опыт, насчитывающий по меньшей мере 5—6 лет интенсивных тренировок. Некоторые оканчивали специализиро-

ванные спортивные школы для одаренных детей. Многие добились значительных спортивных успехов на любительском уровне — занимали призовые места на детских и юношеских соревнованиях, выполняли нормативы на звание кандидатов в мастера спорта и/или мастеров спорта.

Тем не менее миграция в Санкт-Петербург исключительно для продолжения спортивной карьеры нетипична для нашего кейса. В основном информанты переезжали, чтобы продолжить образование или найти работу. Выбор Санкт-Петербурга определялся в первую очередь наличием в городе социальных связей — родственников или земляков, способных оказать поддержку:

У меня родная тетя здесь, я к ней приехал. Она мне очень сильно помогала все это время. (Инф. 7)

Старший брат у меня учился здесь, много родственников было здесь, поэтому я планировал, что я буду здесь в любом случае. (Инф. 14)

Эти же связи задействовались, чтобы устроиться в городе: в поиске жилья, работы, при поступлении в учебные заведения.

Диапазон специальностей обучения информантов включал в том числе высшее либо среднее специальное спортивное образование. Так, выяснилось, что популярностью пользуется факультет единоборств и неолимпийских видов спорта НГУ им. П. Ф. Лесгафта, на который ежегодно поступает большое количество уже состоявшихся спортсменов с Северного Кавказа, знакомых друг с другом благодаря соревновательному опыту. Информанты, мигрировавшие с целью трудоустройства, в основном устраивались на малоквалифицированные работы. Типичные сферы занятости — охрана, строительство, извоз, погрузочно-сортировочные работы. Некоторые пытались найти себе применение в силовых структурах, однако сталкивались с негласными ограничениями на трудоустройство для выходцев из северокавказского региона.

Информанты практически единодушно признавали, что занятия силовыми единоборствами помогали им пройти первый миграционный шок и снизить стресс, связанный с попаданием в новую культурную среду. Мигранты вписывались в микросоциум с понятными им нормами поведения и общались с людьми, разделяющими схожие принципы и взгляды на жизнь. Как правило, они находили в секциях земляков и единоверцев, которые составляли от трети до 80 % спортивного коллектива. Также они ощущали позитивное влияние группового символического капитала — коллективной репутации дагестанцев как выдающихся спортсменов — и встречали в спортивном пространстве уважительное отношение к своей культуре и религии, в том числе и со стороны представителей других культур. Важно и то, что спорт позволял им избегать приобщения к тем сторонам образа жизни в мегаполисе, которые воспринимались как девиантные, опасные и несовместимые с моральным кодексом горского мужчины и мусульманина.

Когда ты в спорте, ничего лишнего нет, куда-то пойти, что-то делать. И потренировался, получил свое удовольствие, пришел домой, отдыхаешь. Нет такого, что давай куда-нибудь схожу, там, погулять — такого нету вообще. Такого желания даже не возникает. (Инф. 14)

Активная спортивная карьера: доступ к ресурсам и упущенные возможности

Уже имеющийся объем физического капитала позволял молодым дагестанцам в достаточно короткий срок подготовиться к активной состязательной фазе, обуславливающей нормативный переход к спорту высоких достижений. В то же время вступление в эту фазу требовало значительной перестройки повседневной жизни, которая оказывалась подчиненной машинерии (вос)производства спортивного тела. Возрастало количество тренировок до 1—2 каждый будний день, росла их интенсивность.

Я до этого три раза ходил, а как начал выигрывать — стал ходить каждый день и записался в еще один зал, где тренируется сборная по самбо. (Инф. 17)

Успешные выступления в любительском спорте могли стать трамплином для карьеры в профессиональных боях без правил (ММА), что рассматривалось информантами как «карьеря мечты». Для некоторых альтернативой профессиональному спорту становилось участие в так называемом ведомственном спорте, связанном с силовыми структурами. У последних есть свои клубы и объекты спортивной инфраструктуры, проводящие собственные чемпионаты и с этой целью активно рекрутирующие в свои ряды перспективную молодежь (в такой роли кавказцы приветствовались). Перейти в ведомственный спорт могли те, кто проходил или уже прошел срочную службу в вооруженных силах, окончил ведомственный вуз или же военную кафедру «гражданского» вуза.

Участвуя в спорте высоких достижений, молодые люди получали доступ к определенным ресурсам, связанным с их принадлежностью к спортивной субкультуре.

Экономические ресурсы

Спортивные федерации финансово поощряют спортсменов-любителей за победы на соревнованиях. Как правило, речь идет о разовых выплатах за попадание в тройку финалистов, однако некоторые профессиональные объединения спортсменов платят призерам страновых и международных соревнований ежемесячную стипендию.

Сейчас, например, в Федерации панкратиона, если ты выигрываешь чемпионат России или мира, тебе в течение года идет стипендия, хоть что-то: за Россию — 20—25 тыс. рублей, за мир — 50 тыс. рублей в месяц. (Инф. 3)

В некоторых клубах также предусмотрены меры материального поощрения своих членов в форме разовых премий, регулярных зарплат/стипендий, частичной или полной компенсации расходов во время поездок на сборы/соревнования и т. д. Регулярно выступающие за клуб члены обычно освобождаются от платы за тренировки.

Особенно существенны подобные бонусы в имеющих стабильное финансирование элитных спортивных клубах, команды которых рекрутируют победителей соревнований высокого уровня. Примером может служить петербургский клуб

«Sportlife», созданный при одноименной сети фитнес-центров. Спортсмены представляют его на любительских и профессиональных состязаниях, взамен получая бесплатный доступ к клубной инфраструктуре и регулярное денежное вознаграждение. Они также могут работать или подрабатывать в упомянутой сети фитнес-центров тренерами или их помощниками, получая вознаграждение от 25—30 до 40—50 тыс. рублей.

В профессиональном спорте, где именно спортивная деятельность становится основным источником заработка, спортсмены стремятся подписать контракт с промоутерской компанией, гарантирующий определенное количество выступлений с фиксированной оплатой за бой в течение некоторого времени или без указания временного промежутка. Для начинающих бойцов это, как правило, краткосрочные годовые контракты на 3—4 боя. При этом по причине высокой конкуренции лишь единицам удается пробиться в топовые «промоушены» с высокими гонорарами и хорошими спонсорскими контрактами. Для большинства «профессионалов» сумма гонораров в зависимости от уровня колеблется в пределах 300—1000 долларов за выступление и 1000—4000 долларов за победу. При этом количество боев из-за необходимости длительной подготовки редко превышает 3—4 в год.

В то же время профессиональный спорт сопровождается высокими расходами и рисками. Основные затраты связаны с медицинскими и восстановительными процедурами. Иногда начинающие бойцы вынуждены самостоятельно финансировать дорогу и проживание в месте проведения соревнований, а также оплачивать все административные сборы (например, на получение визы, если бой происходит за рубежом). У бойцов, выступающих в топовых промоушенах, к этому добавляются расходы на содержание команды специалистов, включающей тренеров, специалистов по физическому и психоэмоциональному состоянию, менеджменту и PR. Вопрос спонсорства стоит очень остро и решается по-разному: кому-то помогают родственники, кому-то — клубы, кому-то — коммерческие фирмы в обмен на рекламу, а кому-то даже приходится влезать в долги.

Скажем, первый бой мне обошелся в 350 000 рублей. Были люди, которые обещали мне дать средства, а потом отказались. Я кредит взял. (Инф. 20)

Силовые виды спорта вряд ли могут обеспечить спортсменов существенным капиталом для карьерного старта в постсоревновательный период, за исключением небольшого числа элитных профессиональных бойцов. В любительском спорте доходы невелики, нерегулярны, а финансовые бонусы во многом направлены на компенсацию расходов за пользование спортивной инфраструктурой и оплату поездок. В профессиональном спорте доходы основной массы спортсменов также не очень значительны; расходы же существенны и требуют участия спонсоров.

Социальный капитал

В состязательный период у спортсменов интенсифицируется накопление социальных связей, которые могут быть задействованы при построении спортивной карьеры и потенциально способны облегчить устройство в постсостязательный

период. Можно выделить следующие основные сферы формирования подобных связей.

1. Спортивное братство, то есть связи с другими спортсменами из силовых единоборств. Эти связи настолько сильны, что описываются в квазисемейных терминах.

Мы очень близко общаемся. Такой момент, что я их считаю старшими братьями. Я знаю, что они мне помогут и я им помогу. (Инф. 4)

В тот зал я ходил — с кем я там тренировался, они мне, как братья, как близкие. (Инф. 8)

В узком смысле «братство» — спортсмены, непосредственно тренирующиеся вместе и принадлежащие к одному клубу или секции. На их содействие можно рассчитывать в случае возникновения угроз для жизни или безопасности, в сложных и деликатных ситуациях. В более широком контексте подобное «братство» — это солидарность всех спортсменов, представляющих определенный кластер боевых искусств. Они подключаются, например, если нужно собрать деньги на операцию или постоперационное восстановление спортсмена.

2. Представители спортивной периферии — тренеры, спортивные судьи, чиновники профильных министерств и ведомств, рекрутеры и менеджеры промоутерских компаний, директора и владельцы спортивной инфраструктуры.

3. Околоспортивная среда поклонников единоборств. Здесь связи могут быть достаточно разнообразны — чиновники, представители силовых структур, бизнесмены (которые могут стать спонсорами), криминальные авторитеты и т. д. Особое место занимают бывшие спортсмены (часто — сами выходцы с Северного Кавказа), добившиеся успеха после завершения спортивной карьеры и готовые поддерживать «своих». Участники единоборств также становятся авторитетными людьми в дагестанской диаспоре, занимают посты в связанных с ней общественных организациях. К ним обращаются за помощью, приглашают арбитрами при разрешении споров.

Таким образом, соревновательный период дает доступ к достаточно разнообразным источникам социального капитала — как бондингового, так и бриджингового. Потенциально такой капитал может стать ресурсом выстраивания жизненной траектории после завершения спортивной карьеры. При этом социальный капитал спортсмена тесно связан с символическим: чем престижнее виды спорта, в которых он выступает, чем выше уровень соревнований и значительнее собственные достижения, тем большее внимание статусные и обладающие ресурсами фигуры (политики, чиновники, бизнесмены) уделяют спортсмену.

Спорт создает также особые возможности мобильности. Для многих спортсменов участие в международных соревнованиях и сборах является первым и зачастую единственным доступным для них опытом зарубежных поездок.

Я начал в 2013 г. выступать. Поехал, там, у меня были сборы. В Голландию в 2013 г. ездили... (Инф. 8)

Это обеспечивает доступ к иным видам капитала, связанным с расширением кругозора, приобретением новых навыков и компетенций (в частности, языковых).

В то же время спорт высоких достижений, требуя от спортсменов огромных временных, энергетических и финансовых издержек, заставляет отказываться от альтернативных способов времяпрепровождения и кругов общения, что ограничивает возможности адаптации в городе и создания предпосылок для вертикальной мобильности. В первую очередь, это сказывается на перспективах накопления человеческого капитала при получении образования и/или трудовой деятельности. Напряженные занятия спортом оставляют спортсменам мало возможностей для «двойных карьер». Например, вузы в основном не стремятся обеспечивать им комфортные условия обучения, приспособленные к специфике спортивного графика. Ограниченность времени, которое спортсмен может потратить на учебный процесс, приводит к падению успеваемости и сложностям в обучении. Для некоторых в какой-то момент встает вопрос выбора: учеба или спорт. Так, один из информантов рассказывал, что, учась в «Военмехе», до 3—4 курса серьезно занимался вольной борьбой, но потом «выбрал другой путь» и сосредоточился на учебе. Занятия спортом он продолжал, но лишь чтобы поддерживать форму (Инф. 22).

Работающие спортсмены также вынуждены подстраивать режим и характер своей занятости под специфику спортивного графика. Вовлеченность в соревновательную деятельность препятствует планированию и выстраиванию долгосрочной профессиональной карьеры за пределами спорта. Спортсмены выбирают работу по принципу «чтобы не мешала тренироваться, выступать и восстанавливаться».

В охрану попал благодаря соседу, с кем я жил. [Он] сказал, что есть такая работа. На такой работе не напрягаешься, можно отдохнуть. (Инф. 6)

В приоритете краткосрочные контракты, подработки, низкоквалифицированная занятость, которую можно быстро найти и в случае необходимости оставить.

У активно выступающих спортсменов не остается времени на выстраивание контактов, не связанных со спортивной сферой, в частности, на отношения с однокурсниками и одноклассниками, за исключением партнеров по вузовским спортивным секциям и соседей по студенческим общежитиям. Досуг у активно выступающих бойцов либо отсутствует, либо отличается единообразием и состоит из нечастых прогулок в своем районе, походов в кино, посиделок в кафе или в гости у других спортсменов.

Накопление необходимого для адаптации в городе культурного капитала также ограничено: спортсмены оказываются фактически замкнутыми в рамках силовой субкультуры, ценности и нормы которой существенно отклоняются от мейнстримных (но близки к криминальной и военной субкультурам). Хотя информанты подчеркивали интернационализм спортивной среды, сплоченность которой основана не на этничности и религии, а на общности представлений и образа жизни, высокая доля северокавказцев, а также мигрантов из Южного Кавказа и Центральной Азии в сфере силовых единоборств способствует консервации ряда культурных установок обществ исхода, в которых сохраняется сильное влияние патриархальных отношений.

В то же время свойственные мегаполису нормы не могут не оказывать влияние и на членов спортивных сообществ. Это проявляется, в частности, в том, как

спортсмены строят свою семейную жизнь. Исследование позволило выделить две альтернативные стратегии заключения брака: одна основана на традиционных кавказских ценностях, другая отражает эмансипирующее влияние города. В первом случае жена выбирается из «своей» сельской общины, в заключении брака большую роль играют родители, свадьбу празднуют на родине.

Женились традиционным способом, то есть родители познакомили и быстро-быстро женили, короче. (Инф. 2)

Во втором случае брак заключается по любви, на основе эмоциональной близости. Жен спортсмены находят сами во время учебы или в спортивной сфере. Это могут быть спортсменки, женские тренеры по различным видам спорта, фитнесу, йоге:

<...> Супруга у меня спортсменка, чемпионка России, она чемпионка Европы, призерка мира по грэпплингу. (Инф. 16)

По словам информантов, меняются и подходы к воспитанию детей. Фигура строгого и требовательного отца все больше уступает место отцу вовлеченному и заботливому, что отвечает нормам современного либерального родительства.

Жизненные стратегии после завершения спортивной карьеры

Завершение спортивной карьеры может носить характер как нормативного, так и ненормативного перехода. Наиболее распространенной причиной нормативного окончания активных занятий спортом является возраст. Представители контактных единоборств в среднем достигают пика формы в промежутке от 20 до 25 лет, после чего их характеристики силы, скорости и выносливости начинают снижаться. Критическим для любительского уровня считается тридцатилетний порог, в профессиональных единоборствах активная состязательная фаза может продолжаться до 40 лет. Ненормативный уход из спорта связан в первую очередь со спортивными травмами.

Ну, я ходил на бокс, позанимался боксом, выступил на паре соревнований и заметил меня тренер по боевому самбо, в итоге к себе переманил. Занимался до 16 лет боевым самбо, после травму позвоночника получил, прекратил заниматься. (Инф. 12)

Информанты упоминали и другие причины спонтанного прекращения глубокой вовлеченности в спорт: эмоциональное выгорание, разочарование в ценностях и целях спорта больших достижений.

Уход из спорта может быть достаточно плавным и нетравматичным для спортсмена, когда, например, этот процесс растянут во времени, а его работа в постсостязательный период не выводит его из «спортивного братства». Но такой уход действительно может напоминать «социальную смерть», когда спортсмен получает серьезную травму на пике карьеры, что приводит к выпадению из привычного образа жизни, к ослаблению или разрыву прежних социальных связей. В такой

ситуации существенно повышается риск маргинализирующих жизненных сценариев, связанных с употреблением алкоголя или наркотиков, посещением ночных клубов, неспортивным насилием и криминалом.

После завершения спортивной карьеры дальнейшее профессиональное самоопределение может быть связано с двумя жизненными треками: остаться работать на вспомогательных позициях в спортивной сфере или же профессионально самореализовываться за пределами спорта. В первом случае наиболее логичным шагом является переход к тренерской деятельности. Социальный и символический капитал, накопленный в ходе спортивной карьеры, создает для этого хорошую основу, позволяя достаточно быстро нарастить клиентскую базу и сразу претендовать на относительно высокие гонорары. Однако тренерская работа требует определенных условий.

Во-первых, чтобы заниматься этой деятельностью на регулярной основе, иметь возможность открывать новые залы и выставлять своих воспитанников на соревнованиях, необходимо иметь высшее или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта или спортивно-педагогическое образование. Иными словами, требуется пройти обучение (или по меньшей мере купить диплом) по соответствующим специальностям.

Здесь я окончил Петровский колледж. Проучился на спортивном в Петровском колледже, у меня образование делится на две части — высшее спортивное и физкультурное. То есть я могу работать учителем физкультуры в школе и тренировать. (Инф. 7)

Во-вторых, необходимы тренерские и личностные таланты и компетенции, которые бы привлекали клиентов: символический капитал активно работает лишь на начальном этапе тренерской деятельности. Ценимые в тренерах качества могут различаться в зависимости от исполняемой социальной роли. С одной стороны, есть тренеры, которые «работают на результат»: находят и раскрывают новые таланты, готовят и выводят их в спорт больших достижений. От них, помимо собственно владения методиками тренировки и хорошего знания спортивной психологии, требуются тесные связи со спортивной бюрократией и лоббистские способности, позволяющие отстаивать интересы «своих» спортсменов в конкурентной среде. С другой стороны, есть тренеры, которые «держат лапы», то есть удовлетворяют массовый или индивидуальный спрос в экстремальном досуге без претензий на серьезный уровень. В них ценятся «сервисные» качества — коммуникабельность, чувство юмора, клиентоориентированность. Некоторые тренеры успешно совмещают обе роли.

Потенциально переход на тренерскую работу открывает для бывших спортсменов неплохие возможности. Он обеспечивает приличные заработки (по оценкам информантов — до 100 тыс. руб. в месяц), в перспективе позволяющие расширить масштабы деятельности, открыть свой зал или спортклуб. Кроме того, тренерская работа дает возможности устанавливать связи с людьми, обладающими ресурсами и готовыми оказывать спонсорскую помощь, а также со спортивной бюрократией, что позволяет претендовать на административную карьеру (например, в спортивных федерациях). В то же время не всем удается реализовать подобный

потенциал: у некоторых информантов доходы от тренерской деятельности низки, отношения с клиентами складываются конфликтно, а попытки организовать собственный клуб заканчиваются неудачами. Вероятность успеха повышается, если спортсмен может задействовать дополнительные ресурсы — например, семейный символический капитал в спортивной сфере, а также финансовые средства.

Что касается внеспортивной карьеры бывших спортсменов, то в основной массе они продолжают «коллекционировать» прекарные занятости, занимаясь низкоквалифицированным трудом на стройках, в такси, охране или сфере обслуживания. В этом случае спортивная карьера фактически приводит к увязанию в низкоресурсной социальной сети и не способствует вертикальной мобильности. Подобная работа в основном находится через родственников или земляков; распространена межпоколенческая преемственность. Накопленные в ходе спортивной карьеры ресурсы оказываются не задействованными. Некоторые бывшие спортсмены пытаются продвинуться в бизнесе, однако опираются при этом в первую очередь на ресурсы, которыми обладали на старте или приобрели за пределами спортивной сферы.

Еще одним возможным направлением постсоревновательной карьеры является встраивание в криминальные круги. Подобная траектория была распространена в 1990—2000-е годы.

Был плохой период, когда преступность правила балом. <...> А рекрутами были спортсмены, сильные ребята... (Инф. 23)

Вы же понимаете, что в 1990-е годы спортсмены не бедствовали не благодаря спорту, так скажем. <...> Нас в тот момент прямо из залов забирали: просто приезжали и деньгами предлагали. (Инф. 13)

Сейчас подобное явление не носит массового характера. Однако смычка спорта с криминалом поддерживается и спортивно-криминальной карьерой многих представителей старшего поколения, и выраженным интересом криминала к профессиональному спорту и околоспортивной экономике (особенно к индустрии ставок на спортивные матчи), и значительным совпадением норм и ценностей криминальной и силовой спортивной субкультур, и нередкой вовлеченностью спортсменов в криминальные «разборки». Тем не менее информанты в этом исследовании в большинстве своем негативно отнеслись к перспективе криминальной карьеры. Даже те, кто эпизодически ездил на «стрелки», выступал в роли «решалы» или выбивал долги, рассматривали это как разовую помощь друзьям или «братьям», а не как источник дохода или старт долгосрочной занятости. При этом все информанты признавали, что хотя бы раз в жизни получали от криминальных кругов предложение о сотрудничестве.

Адаптация через спортивную субкультуру: итоги

Анализ роли силовой спортивной субкультуры в адаптации и аккультурации мигрантов демонстрирует неоднозначные результаты. Можно утверждать, что встраивание в данную субкультуру смягчает первичный миграционный шок (или

острую фазу адаптации), позволяя включаться в культурно и этнически близкую среду и использовать символический капитал, связанный с успехами дагестанцев в силовых единоборствах. Что же касается постспортивных карьер, то, с одной стороны, спорт высоких достижений дает доступ к дополнительным экономическим, социальным и символическим ресурсам, обеспечивает недоступные ранее перспективы территориальной мобильности. С другой стороны, он ограничивает возможности вкладываться в альтернативные сферы, такие как образование, профессиональный рост, связи вне спортивной и околоспортивной сферы. Баланс данных факторов может быть различным.

Вертикальная мобильность на постспортивном этапе характерна в первую очередь для тех, кто после успешного состязательного периода связал свою дальнейшую карьеру со спортом, получив нужное для тренерской работы образование и проявив необходимые для продвижения в данной сфере профессиональные и человеческие качества. Успех также может базироваться на ресурсах, не связанных напрямую со спортивной карьерой — например, на семейном капитале. В остальных случаях спортивная карьера мало что приносит в возможности дальнейшего продвижения: накопленный капитал во многих случаях не конвертируется в жизненный успех. Бывшие спортсмены в основном увязают в низкоресурсной социальной сети, продолжая заниматься малоквалифицированным трудом, а в поиске возможностей трудоустройства по-прежнему опираются в основном на этнические связи. Выбор качественного образования как альтернативы спортивной карьере может обеспечить гораздо более удачный старт для вертикальной мобильности в неспортивной среде. Наконец, возможным итогом спортивной карьеры становится включение в криминальные круги, что в современных условиях скорее свидетельствует о нисходящей мобильности, однако подобная траектория не является массовой. Высокие риски маргинализации связаны с ненормативным окончанием спортивной карьеры, особенно когда спортсмен получает травму на пике формы — в этом случае итогом может стать деградация и асоциальное поведение.

При этом адаптация к принимающему обществу через силовую спортивную субкультуру характерна преимущественно для первого поколения мигрантов. В жизни же второго поколения спорт играет совершенно иную роль: занятия его силовыми видами уже не рассматриваются как обязательный элемент социализации детей и подростков мужского пола.

Когда ты в Дагестане, то, наверное, да — все ходят [на спорт], ты тоже вместе с ними. А здесь [в Санкт-Петербурге] больше уже для себя. Если ты сам хочешь, если тебе это нужно, то ты идешь. (Инф. 21)

Даже выбор вида спорта, по словам информантов, идет по другим критериям: не для того, чтобы выступать на соревнованиях, а чтобы было современно, был «драйв», «для общения», «для души».

Выводы и дискуссия

Настоящее исследование подтверждает, что адаптация мигрантов к принимающему обществу может происходить через свойственные ему субкультуры, в част-

ности, спортивные. Подобный вариант имеет определенные преимущества, особенно для мигрантов низкого социального статуса. Он позволяет легче пройти острую фазу адаптации, а также получить доступ к символическому и социальному капиталу, недоступному в других условиях. Одновременно такая модель несет в себе определенные риски, особо явно проявляющие себя при необходимости выйти за рамки субкультурного сообщества и включаться в другие сегменты городского социума. В условиях подобного транзита возникают угрозы дезадаптации и маргинализации.

В то же время представленный в статье кейс, на первый взгляд, не очень похож на истории, рассматриваемые в теории сегментной ассимиляции, сформулированной в 1990-х годах на базе анализа американских практик встраивания мигрантов второго поколения в афроамериканскую контркультуру и связанной с этим их нисходящей мобильности. В нашем случае речь идет не о втором поколении мигрантов, а о первом; не о контркультуре, а о субкультуре. Нисходящая мобильность не является обязательным следствием субкультурной аккультурации, хотя подобные риски в ее рамках существуют. Тем не менее, между этими примерами имеется нечто общее: в отличие от других подходов к исследованию процессов адаптации мигрантов они включают в аналитическую рамку фактор культурного многообразия принимающего общества, не ограничиваясь ссылкой на некий культурный мейнстрим либо доминирующую культуру. И это дает возможность получения обогащенной, более нюансированной картины встраивания мигрантов в новую культурную среду.

Представления об адаптации инокультурных мигрантов по мере развития соответствующих теорий непрерывно усложнялись. Если изначально предполагались лишь две траектории — ассимиляция либо маргинализация, — затем возникло более широкое меню возможностей, связанных не только с позицией самих мигрантов, но и с отношением принимающих обществ, а также со связями с обществами исхода. Можно предположить, что включение в анализ культурной дифференциации принимающих обществ, характерной в первую очередь для современной городской культуры, является следующим шагом на пути отражения сложности и многогранности процессов адаптации. И пример, рассмотренный в рамках теории сегментной ассимиляции, окажется лишь одним из случаев учета данного фактора.

Безусловно, анализа одного дополнительного примера недостаточно для того, чтобы делать столь глобальные выводы — мы можем лишь предложить подобную гипотезу для обсуждения. В дальнейшем необходимы дополнительные исследования и дискуссии, которые бы позволили понять, насколько важен фактор культурной дифференциации принимающих обществ, а также в какой мере его необходимо учитывать в теории и практике содействия мигрантам в адаптации к новой культурной среде.

Список литературы (References)

Брюсов Г. П. Сравнительный анализ состояния вольной борьбы в Северо-Кавказском федеральном округе // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2012. № 4. С. 12—15. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2012.04.86.p12-15>.

Bryusov G. P. (2012) Comparative Analysis of Free-Style Wrestling Condition in North-Caucasus Federal Region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. No. 4. P. 12—15. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2012.04.86.p12-15>. (In Russ.)

Agergaard S., Ryba T. V. (2014) Migration and Career Transitions in Professional Sports: Transnational Athletic Careers in a Psychological and Sociological Perspective. *Sociology of Sport Journal*. Vol. 31. No. 2. P. 228—247. <https://doi.org/10.1123/ssj.2013-0031>.

Alba R., Nee V. (2003) *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Asfari A., Askar A. (2020) Understanding Muslim Assimilation in America: An Exploratory Assessment of First & Second-Generation Muslims Using Segmented Assimilation Theory. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 40. No. 2. P. 217—234. <https://doi.org/10.1080/13602004.2020.1781467>.

Battochio R. C., Schinke R. J., McGannon K. R., Tenenbaum G., Yukelson D., Crowder T. (2013) Understanding Immigrated Professional Athletes' Support Networks During Post-Relocation Adaptation Through Media Data. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 11. No. 1. P. 101—116. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2013.748996>.

Berry J. W. (2006) Contexts of Acculturation. In: Sam D. L., Berry J. W. (eds.) *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27—42. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511489891.006>.

Berry J. W. (2019) *Acculturation: A Personal Journey Across Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108589666>.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J. (eds.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CT: Greenwood. P. 241—258.

Clerge O. (2014) Balancing Stigma and Status: Racial and Class Identities Among Middle-Class Haitian Youth. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 37. No. 6. P. 958—977. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.748209>.

Crosset T., Beal B. (1997) The Use of “Subculture” and “Subworld” in Ethnographic Works on Sport: A Discussion of Definitional Distinctions. *Sociology of Sport Journal*. Vol. 14. No. 1. P. 73—85. <https://doi.org/10.1123/ssj.14.1.73>.

Diaz C. J. (2020) Educational Expectations Among Immigrant Youth: Links to Segmented Assimilation and School Context. *Social Currents*. Vol. 7. No. 3. P. 252—278. <https://doi.org/10.1177/2329496519900509>.

Dong X. (2018) Capital in Transition: A Case Study of Migrant Children in China's Martial Arts Schools. *Asian Journal of Social Science*. Vol. 46. No. 6. P. 706—724. <https://doi.org/10.1163/15685314-04606005>.

Donnelly P. (1985) Sport Subcultures. *Exercise and Sport Sciences Reviews*. Vol. 13. No. 1. C. 539—578. <https://doi.org/10.1249/00003677-198500130-00016>.

Fuchs Ph.X., Doupona M., Varga K., Bon M., Cortis C., Fusco A., Castellani L., Niemisalo N., Hannola H., Giron P., Förster J., Capranica L., Wagner H. (2021) Multi-National Perceptions on Challenges, Opportunities, and Support Structures for Dual Career Migrations in European Student-Athletes. *PLOS One*. Vol. 16. No. 6. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253333>.

Habecker S. (2017) Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. *Journal of Pan African Studies*. Vol. 10. No. 1. P. 55—75.

Harris A. L. (2006) I (Don't) Hate School: Revisiting Oppositional Culture Theory of Blacks' Resistance to Schooling. *Social Forces*. Vol. 85. No. 2. P. 797—834. <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0006>.

Karam R. A. (2020) Becoming American by Becoming Muslim: Strategic Assimilation Among Second-Generation Muslim American Parents. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 43. No. 2. P. 390—409. <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1578396>.

Morela E., Elbe A. M., Theodorakis Y., Hatzigeorgiadis A. (2019) Sport Participation and Acculturative Stress of Young Migrants in Greece: The Role of Sport Motivational Environment. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 71. P. 24—30. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.04.003>.

Morela E., Hatzigeorgiadis A., Sanchez X., Elbe A. M. (2016) Promoting Acculturation Through Sport: An Ethnic-Cultural Identity Approach. In: Raab M., Wylleman P., Seiler R., Elbe A. M., Hatzigeorgiadis A. (eds.) *Sport and Exercise Psychology Research*. San Diego, CA: Academic Press. P. 211—225. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803634-1.00010-8>.

Murray C. (2012) *Coming Apart: The State of White America, 1960—2010*. New York, NY: Crown Publishing Group.

Palumbo F., Fusco A., Cortis C., Capranica L. (2021) Student-Athlete Migration: A Systematic Literature Review. *Human Movement*. Vol. 22. No. 1. P. 80—91. <https://doi.org/10.5114/hm.2021.99988>.

Park R. E. (1952) Sociology, Community and Society. In: Park R. E. *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe, IL: Free Press. P. 178—209.

Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W. (2005) Segmented Assimilation on the Ground: The New Second Generation in Early Adulthood. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 6. P. 1000—1040. <https://doi.org/10.1080/01419870500224117>.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Ryba T. V., Aunola K., Kalaja S., Selänne H., Ronkainen N. J., Nurmi J. E. (2016) A New Perspective on Adolescent Athletes' Transition into Upper Secondary School: A Longitudinal Mixed Methods Study Protocol. *Cogent Psychology*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.1080/23311908.2016.1142412>.

Ryba T. V., Elbe A.-M., Darpatova-Hruzewicz D. (2020) Development and First Application of the Athlete Adaptation Inventory: An Exploratory Study. *Performance Enhancement & Health*. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.1016/j.peh.2020.100164>.

Ryba T. V., Stambulova N. B., Ronkainen N. J. (2020) Transnational Athletic Career and Cultural Transition. In: Hackfort D., Schinke R. J. (eds.) *The Routledge International Encyclopedia of Sport and Exercise Psychology. Volume 2: Applied and Practical*. London: Routledge. P. 671—681.

Sabirova G., Zinoviev A. (2016) Urban Local Sport Clubs, Migrant Children and Youth in Russia. *Community Development Journal*. Vol. 51. No. 4. P. 482—498. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsv045>.

Schinke R. J., McGannon K. R., Battochio R. C., Wells G. D. (2013) Acculturation in Elite Sport: A Thematic Analysis of Immigrant Athletes and Coaches. *Journal of Sports Sciences*. Vol. 31. No. 15. P. 1676—1686. <https://doi.org/10.1080/02640414.2013.794949>.

Silberman R., Alba R., Fournier I. (2007) Segmented Assimilation in France? Discrimination in the Labour Market Against the Second Generation. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1080/01419870601006488>.

Smith R., Spaaij R., McDonald B. (2019) Migrant Integration and Cultural Capital in the Context of Sport and Physical Activity: A Systematic Review. *International Migration & Integration*. Vol. 20. No. 3. P. 851—868. <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0634-5>.

Stambulova N., Alfermann D., Statler T., Côté J. (2009) ISSP Position Stand: Career Development and Transitions of Athletes. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 7. No. 4. P. 395—412. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2009.9671916>.

Stambulova N. (2016) Athletes' Transitions in Sport and Life: Positioning New Research Trends Within the Existing System of Athlete Career Knowledge. In: Schinke R. J., McGannon K. R., Smith B. (eds.) *Routledge International Handbook of Sport Psychology*. London: Routledge. P. 519—535. <https://doi.org/10.4324/9781315777054-64>.

Stambulova N., Ryba T. V., Henriksen K. (2021) Career Development and Transitions of Athletes: The International Society of Sport Psychology Position Stand Revisited. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 19. No. 4. P. 524—550. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2020.1737836>.

Stepick A., Stepick C. D. (2010) The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 7. P. 1149—1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.

Ungruhe C., Agergaard S. (2021) Migrant Athletes and the Transformation of Physical Capital. Spatial and Temporal Dynamics in West African Footballers' Approaches to Post-Careers. *European Journal for Sport and Society*. Vol. 18. No. 4. P. 347—364. <https://doi.org/10.1080/16138171.2020.1863706>.

Vermeulen H. (2010) Segmented Assimilation and Cross-National Comparative Research on the Integration of Immigrants and Their Children. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 7. P. 1214—1230. <https://doi.org/10.1080/01419871003615306>.

Waldinger R., Feliciano C. (2004) Will the New Second Generation Experience ‘Downward Assimilation’? Segmented Assimilation Re-Assessed. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. No. 3. P. 376—402. <https://doi.org/10.1080/01491987042000189196>.

Weiss M. R. (eds.) (2004) *Developmental Sport and Exercise Psychology: A Lifespan Perspective*. Morgantown, WV: Fitness Information Technology.

Wylleman P., Alfermann D., Lavallee D. (2004) Career Transitions in Sport: European Perspectives. *Psychology of Sport and Exercise*. Vol. 5. No. 1. P. 7—20. [https://doi.org/10.1016/S1469-0292\(02\)00049-3](https://doi.org/10.1016/S1469-0292(02)00049-3).

Wylleman P., Lavallee D. (2004) A Developmental Perspective on Transitions Faced by Athletes. In: Weiss M. R. (eds.) *Developmental Sport and Exercise Psychology: A Lifespan Perspective*. Morgantown, WV: Fitness Information Technology. P. 503—524.

Wylleman P., Rosier N. (2016) Holistic Perspective on the Development of Elite Athletes. In: Raab M., Wylleman P., Seiler R., Elbe A. M., Hatzigeorgiadis A. (eds.) *Sport and Exercise Psychology Research*. San Diego, CA: Academic Press. P. 269—288. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803634-1.00013-3>.

Xie Y., Greenman E. (2005) Segmented Assimilation Theory: A Reformulation and Empirical Test. Population Studies Center Research Report. No. 05—581. Ann Arbor, MI: University of Michigan.

Yinger J. M. (1960) Contraculture and Subculture. *American Sociological Review*. Vol. 25. No. 5. P. 625—635. <https://doi.org/10.2307/2090136>.

Приложение. Список информантов

№	Возраст	Место рождения	Образование	Профессия / занятость
1	До 29 лет	Дагестан	высшее	госслужащий
2	До 29 лет	Дагестан	высшее	рабочий на производстве
3	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее религиозное	профессиональный спортсмен, религиозный деятель
4	До 29 лет	Дагестан	высшее	профессиональный спортсмен
5	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер
6	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	профессиональный спортсмен, предприниматель
7	До 29 лет	Чечня	высшее заочное и высшее спортивное	профессиональный спортсмен, тренер
8	До 29 лет	Дагестан	высшее	инженер-строитель
9	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер, предприниматель
10	До 29 лет	Дагестан	высшее	не работает
11	До 29 лет	Дагестан	высшее заочное	охранник
12	До 29 лет	Дагестан	высшее	охранник
13	От 30 до 49 лет	Армения	высшее	тренер
14	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер
15	До 29 лет	Дагестан	высшее	профессиональный спортсмен, предприниматель
16	От 30 до 49 лет	Кабардино-Балкария	высшее спортивное	тренер
17	До 29 лет	Дагестан	высшее и высшее религиозное	предприниматель
18	До 29 лет	Дагестан	высшее	военнослужащий
19	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер, фрилансер
20	До 29 лет	Дагестан	среднее специальное	предприниматель
21	До 29 лет	Дагестан	незаконченное высшее	студент
22	До 29 лет	Дагестан	высшее	аспирант
23	От 50 лет	Дагестан	высшее	предприниматель
24	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее	предприниматель